

Б.Н. Чичерин
ВОСПОМИНАНИЯ

Московский университет
Земство и Московская дума

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)
Ч72

*Издательство выражает благодарность
Российской государственной библиотеке
за помощь в подготовке настоящего издания*

Под редакцией

Л. Заковоротной

Примечания

С. Бахрушин

Рецензенты

А. Жидкова, Г. Любина

Чичерин, Борис Николаевич

Ч72 Воспоминания. В 2-х тт. / Б.Н. Чичерин; примеч. С. В. Бахрушин. – М.: Издательство им. Сабашниковых, 2010. – с. 528.

ISBN 5-8242-0121-8

Борис Николаевич Чичерин (1828 – 1904), юрист, историк и общественный деятель был свидетелем ключевых моментов российской истории, выступал в роли оппонента или единомышленника многих знаковых фигур своего времени: А. Герцена и Н. Чернышевского, К. Победоносцева и М. Каткова, реформаторов Д. и Н. Милютиных, писателей Льва Толстого, Ивана Тургенева и многих других.

Данный том воспоминаний рассказывает о профессорской деятельности Б.Н. Чичерина в Московском университете, преподавании курса государственного права молодому наследнику великому князю Николаю Александровичу, работе в губернских земских учреждениях и Московской городской думе.

ISBN 5-8242-0121-8

© Издательство им. Сабашниковых, 2010

Содержание

Московский университет

Вступление на кафедру	5
Занятия и путешествие с наследником	61
Выход из университета	126

Земство и Московская дума

Жизнь в провинции	196
Конец царствования Александра Николаевича	241
Начало нового царствования	293
Служба Московским городским головой	340
Старость	431

Алфавитный указатель имен и примечания	485
--	-----

Вступление на кафедру

Вернувшись в деревню после заграничного путешествия, я нашёл в ней совершенно новую жизнь. «Положение 19 февраля»* вступило в силу и прилагалось разумно и честно. Брат Владимир был мировым посредником, постоянно разъезжал, составлял и вводил уставные грамоты, и все шло как нельзя лучше. Раз в месяц посредники собирались на съезд. Предводителем дворянства в Кирсановском уезде был в то время Михаил Степанович Андреевский, человек вполне порядочный и преданный общественному делу. В числе посредников был Баратынский, сын Сергея Абрамовича, доктор, как и его отец, человек самых высоких нравственных свойств. Брат, разумеется, всегда был с ним заодно. Остальные подчинялись общему духу и действовали в данном направлении. Помещики, даже не сочувствовавшие реформе, по русскому обычаю покорялись своей участи и не оказывали противодействия. Только со стороны крестьян кое-где обнаруживалось упорство, иногда даже в противность собственным их выгодам; но так или иначе все улаживалось. И у нас в Карауле произошло маленькое замешательство. При разверстании надо было перенести один посёлок на другое место. Крестьяне не хотели согласиться; все попытки властей уговорить их были напрасны. Решили, наконец, привести роту солдат. Тогда сестра, в то время ещё 22-летняя девушка, однажды утром пошла на село, собрала мужиков и стала их увещавать, представляя им, что после столь долгих и отличных отношений к помещикам, было бы стыдно, если бы в Караул привели солдат для усмирения непокорных. Кончилось тем, что она всех их привела с собою, и они изъявили согласие на переселение.

Все, что я видел и слышал, исполняло меня самыми отрадными чувствами. Провинция во всех своих слоях, на верхних и нижних, спокойно и трезво исполняла великое дело, соблюдая обоюдные выгоды и руководствуясь идеею самой чистой справедливости. Это был залог светлого будущего.

* 19 февраля 1861 г. был подписан Манифест об отмене крепостного права в России и Положение о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости.

Такой благоприятный ход преобразования, изменявшего весь строй русской жизни, конечно, делал честь дворянству, на плечах которого лежало все исполнение; но он свидетельствовал, вместе с тем, о прочности фундамента, на котором строилось новое здание.

Изучая «Положение 19 февраля», я исполнился благоговением к этому созданию созревшей русской мысли. Я видел в нем лучший памятник русского законодательства. Это не было просто сведение к единству накопившихся с течением времени и вызванных практикой положений. Тут все приходилось создавать вновь, вводить чуждые жизни начала, устанавливать неведомые практике отношения. И эти отношения охватывали самые коренные интересы важнейших элементов русской земли, первенствующего сословия и народной массы. Надобно было развязать веками затянувшийся узел, заменить свободу установившееся не только в силу закона, но, главным образом, вследствие жизненных условий, полномочие. Задача была самая сложная, трудная и обширная, какая могла представиться законодателю; а, между тем, она была решена с таким ясным разумением цели и средств, с таким твердым сознанием как теории, так и практики, в таком цельном и последовательном направлении, что нельзя было не питать глубокого уважения и к новому закону, и к его составителям. Все, кому приходилось прилагать на деле этот великий законодательный памятник, разделяли это убеждение. Станкевич, который был назначен от правительства членом губернского присутствия в Воронеже, говорил, что он благоговеет перед «Положением 19 февраля». Ни легкомысленные руки, которым вверено было верховное исполнение, ни бесчисленные, друг другу противоречащие циркуляры нового министра внутренних дел, не могли поколебать крепкого его строя. Единственный существенный недостаток заключался в правилах о даровом наделе, введенных реакционерами Государственного совета. Это была печальная уступка притязаниям аристократии, окружавшей престол.

Против «Положения 19 февраля» предъявлялись возражения с разных сторон. Закоснелые помещики утверждали, что крестьянам дано слишком много; демократы, особенно в позднейшее время, уверяли, что крестьянам дано слишком мало. В действительности соблюдена была строгая справедливость. При разрешении вековых уз, крестьяне приобрели в среднем выводе то, чем они пользовались в то время, как их застигла реформа, а помещики за отходящие от них выгоды получили надлежащее вознаграждение. Конечно, невозможно было во всяком конкретном случае сохранить полную соразмерность. При бесконечном разнообразии условий русской земли, единственное, к чему можно было стремиться, это – соблюдение справедливой средней пропорции, что и было сделано. Землевладельцы черноземной полосы в сущности в данную минуту не поте-

ряли ничего; они в большинстве местностей получили ту плату за земли, которая в то время существовала, и очень хорошо могли устроить свое хозяйство при вольном найме; крестьяне же, если в некоторых местах лишались земельного избытка, которым они пользовались у щедрых помещиков, зато получили всю выгоду от последовавшего затем возвышения ценности земель. В нечерноземной полосе помещичье хозяйство значительно более затруднилось; многие принуждены были даже совсем его прекратить. Но они в виде оброка получили за свои земли гораздо более того, что они стоили; сюда вошла и плата за отходящий труд. Если при новых условиях часть помещиков разорилась, то виновато в этом не «Положение 19 февраля», а неподготовленность значительной доли русского дворянства к правильной экономической деятельности вместе с неумением держать свои расходы в должных пределах. Многие дворянские имения перешли в руки капиталистов, но это во всяком случае было неизбежно и не может считаться злом: таково естественное последствие подвижности поземельной собственности. Только чисто искусственным путем можно было удерживать земли в руках лиц, обремененных долгами, и помешать покупке их теми, у кого были деньги в руках. С другой стороны, и среди крестьян с течением времени обнаружилось ухудшение состояния. На первых порах благосостояние их поднялось, однако, ненадолго. Народонаселение увеличивалось, а земля оставалась все та же, и привычки к сбережениям не было; отсюда всеобщее обеднение. К этому присоединялись и другие неблагоприятные условия: сохранение общинного владения, налагающего путы на первый и коренной источник всякого экономического благосостояния – личную самодеятельность; железные дороги, которые, поднимая цены на землю и произведения, рядом с этим уничтожали значительные прибыли от зимнего извоза; семейные разделы, которые отныне могли совершаться беспрепятственно; наконец, развившееся безмерное пьянство вследствие свободной продажи удешевленного вина. Сельский быт, несомненно, требовал дальнейшего устройства. «Положение 19 февраля» положило этому только начало. Оно занялось главным делом – уничтожением крепостного права и заменою его новыми отношениями, основанными на свободе; все же остальное оно предоставило дальнейшему движению законодательства, по указаниям жизни. Оно установило даже 9-летний срок для пересмотра многих узаконений. Но когда этот срок истек, законодательная деятельность уже остановилась. Все работники, приложившие руки к «Положению 19 февраля», сошли со сцены. Место их заступила реакция, опирающаяся на бюрократическую рутину. В это время в петербургских высших сферах не оставалось уже ни одного человека способного начертать путный закон. Все было предоставлено на произвол судьбы, а то, что делалось, было

ниже всякой критики. Русское правительство как будто истощилось в громадном усилии и затем погрязло в полном бездействии.

В конце августа я уехал в Москву с самыми отрадными впечатлениями, полный светлых надежд. Но, боже мой, что нашел я в столице! Между тем, как страна спокойно и обдуманно совершала свое великое дело; между тем, как и помещики и крестьяне с сознанием своего долга работали усердно и неутомимо, – русская интеллигенция предавалась тому неистовому беснованию, которое так возмущало меня в Герцене, и которое легкомысленно поддерживали петербургские его поклонники и приятели. Университеты были в полнейшем брожении; в литературе и в обществе господствовал невообразимый умственный хаос. Из Петербурга приходили известия, что там издаются подпольные газеты, печатаются прокламации, вызывающие к истреблению всего высшего сословия в государстве. Зрелище было надрывающее сердце, но вместе и весьма поучительное.

Расстройство Московского университета началось давно. Еще в 1857 году случилась история, которая разом изменила дотоль мирное настроение студентов. Где-то в непотребном месте произошла драка между студентами и полициею. Студентов сильно поколотили. Полиция в этом деле вела себя нагло и неприлично. Как скоро весть об этом происшествии разнеслась между учащеюся молодежью, весь университет разом преобразился. Студенты вступились за своих товарищей, волнение было громадное; начались шумные собрания; обращались к начальству с просьбою о заступничестве. Это была искра, которая зажгла давно уже накопившиеся горючие материалы. Начальство, действительно, заступилось, и виновные полицейские были наказаны. Это внушило молодежи сознание своей силы. Начались походы против негодных профессоров, которых в печальную пору унижения университетов набралось не мало.

В это время между студентами был кружок так называемых консерваторов, к которому принадлежали мои младшие братья, и кружок социалистов; между теми и другими происходили иногда препирательства. Но инициативу движения приняли первые. На кафедру славянских наречий недавно был назначен совершенно бездарный Майков. Студенты словесного факультета решили, что надобно от него отделаться. На одной из его лекций первый встал, сделавшийся потом профессором истории, Герье и вышел вон; за ним последовала вся аудитория. Студенты объявили, что они к Майкову ходить больше не будут, потому что слушать его невозможно. Деканом был тогда Соловьев. Он уговорил их ходить, и сам пошел на несколько лекций. Он убедился, что курс действительно был невозможный. Об этом было представлено начальству, и Майков лишился кафедры. Разумеется, такой подвиг не остался без подражания. На других факультетах были еще более негодные профессора. У юрис-

тов Орнатский был общим посмешищем. Студенты и к нему перестали ходить. Он тоже принужден был покинуть университет. Математики не хотели отставать от других и тем же способом заставили выйти Варнека. Таким образом студенты стали хозяевами университета. Они делали, что хотели, завели у себя столовые и кассы. По всякому поводу собирались сходки, на которые иногда вызывались ректор и деканы, и те ходили, объяснялись, старались успокоить молодежь. Всякая власть исчезла. Попечители Ковалевский и после него Бахметев были люди мягкие и добрые, но совершенно чуждые университету, не имевшие понятия о том, как следует обращаться с молодежью: они старались только ей угодить. Разумеется, об исправном посещении лекций совершенно перестали думать. Вместо того, по рукам ходили беспрепятственно в оригинале и в литографированных переводах сочинения Фейербаха, Бюхнера, Молешотта и всякие социалистические издания. Кружок консерваторов исчез, а социалистические учения, напротив, приобретали все большую силу. Они выдавались за последнее слово науки.

Если таковы были порядки в Московском университете, то в Петербургском, подверженном непосредственному влиянию Чернышевского с компаниею, дело обстояло еще несравненно хуже. Те же явления повторялись и в провинции. Наконец, правительство испугалось и решилось положить конец безурядице. Вместо слабого Ковалевского, министром народного просвещения назначен был граф Путятин, адмирал, вовсе незнакомый с университетами, человек честный, но ограниченный, крутой и упорный. Вместе с тем, приняты были меры, которые должны были разом пресечь зло в самом его корне. Всякие сходки, депутации, прошения и адреса были строго воспрещены. Для преграждения посторонним лицам доступа в университет, студентам выданы были матрикулы, которые они должны были каждый раз предъявлять при входе. Ежедневно записывались имена приходящих. Наконец, чтобы остановить наплыв в университет демократических элементов, отменено было освобождение бедных от платы за слушание лекций.

Нельзя было придумать ничего более неловкого. Это значило прямо возбуждать студентов такими мерами, которые должны были привлечь к ним сочувствие общества. Как только открылся осенний семестр, начались сборища с целью поднести адрес об отмене новых порядков. Сперва волнения начались в Петербургском университете, а затем перешли и в Московский. Когда я приехал в Москву, я застал уже все в полном брожении. Новый попечитель, назначенный на место умершего Бахметева, Николай Васильевич Исаков, был в отпуску. Округом правил его помощник Василий Андреевич Дашков, совершенный младенец, неспособный ни к какому решению или действию. Все время пало на университетское правление. И ректор

и деканы старались уговаривать студентов, убеждали их не нарушать закона недозволенными сходками. Все было напрасно. Тогда правление решило закрыть два первые курса юридического факультета, которые волновались более всех. Однако и эта мера не подействовала. Студенты тем более могли надеяться на безнаказанность, что они находили поддержку не только в обществе, но и в городских властях. Профессора в этом случае вели себя безупречно. И старые, и молодые единодушно стояли за водворение порядка. Молодые профессора в это время собирались в субботу вечером поочередно друг у друга. Никто из нас не одобрял новых мер, но все мы – от первого до последнего – были убеждены, что для восстановления правильной университетской жизни необходимо прекращение смут. В этом профессора старались убедить студентов, и старшие курсы в значительной степени склонялись на их увещания. Но с младшими, наиболее многочисленными, не было никакого ладу. При многолюдности сходок, университетская инспекция была совершенно бессильна: оставалось прибегнуть к помощи полиции, а на это робкий В. А. Дашков тем менее мог решиться, что генерал-губернатор отнюдь не был склонен к такого рода мерам. В то время Москвою правил Павел Алексеевич Тучков, человек в высшей степени почтенный и благородный, но мягкий и даже слабый. Как у всех русских властей, первая его забота состояла в том, чтобы как-нибудь все уладить втихомолку и не дать разыгаться скандалу. В этих видах, когда правление, исчерпав все средства, которыми оно могло располагать, обратилось к нему с просьбою о полицейской помощи, он не только в этом отказал, считая употребление полиции мерою слишком крутою, но частным образом разрешил запрещенные законом сходки. Тучков сам даже втайне принимал студентов и поправлял составленный ими, вопреки новым правилам, адрес. Я слышал это своими ушами от В. А. Дашкова у которого я был в начале волнений и который действовал совершенно под влиянием генерал-губернатора. Через это положение в крайности обострялось. С одной стороны, корпорация профессоров, не одобряя правительственных мер, твердо стояла за сохранение порядка; с другой стороны, правительственные власти мирволили нарушению закона. На что же можно было опереться?

В это время брат Василий, который из Турина был переведен в Петербург советником Министерства иностранных дел, просил меня уведомить его о том, что делается в Москве, а сам описывал то, что происходило в Петербурге. Он был хорошо осведомлен, и я привожу здесь нашу переписку, как любопытный памятник тогдашнего времени.

«Студенческие дела, – писал брат, – приняли довольно серьезный оборот. Лекции уже начались было, и в прошлый понедельник, 25 сентября, хотели раздавать матрикулы. Студенты объявили, что их

не примут. Они, кроме того, в подражание привезенной из Лондона прокламации, стали сочинять свои, еще безумнее, с эпиграфом Рылеева, с требованием распространения мирских выборов на все управление и с провозглашением крайних коммунистических теорий. Под видом помощи бедным студентам, которые не в состоянии платить 50 рублей, они составили общую кассу, но деньги употребляли на запрещенные книги, перепечатывали прокламации и т. д. Кассу у них отняли, т. е. взяли в университетское правление, чтобы контролировать издержки. Наконец, на стенах университета появилась прокламация, и студенты выломали дверь в один зал, в котором хотели иметь сходку. Решено было временно закрыть университет, и объявление об этом студенты нашли на дверях в понедельник. Под объявлением один из них написал: «А в 11 часов сходка на дворе!» Собралось их, говорят, до 1500, и тут же решено массой идти к попечителю за объяснениями. Он живет на Владимирской, и процессия с Васильевского острова прошла через весь Невский. На Владимирской стоял батальон солдат, и были собраны жандармы верхом. Филипсона не было дома. Шувалов (обер-полицеймейстер) стал говорить студентам, что с толпою рассуждать нельзя, что надобно прислать депутатов. «А ручаетесь ли вы, что им ничего не сделают?» «Нет, не могу». «Ну, так мы не можем прислать их, мы хотим все равно ответить».

Филипсон подъехал и объявил, что выслушает их в университете. Процессия потянулась назад. Один из очевидцев рассказал мне, что жандармы выхватили сабли и поехали шагом на толпу, которая побежала: в какую минуту, этого я не мог разузнать. Филипсон потерял голову; он пошел пешком вместе со студентами и перед тем спросил, идти ли ему в шинели. В толпе закричали: «без шинели», и он повиновался. Потом он взял извозчика, а студенты закричали: «смотри, улизнет». Толпа остановилась на университетском дворе, а трое студентов пошли объясняться. Попечитель сказал, что университет закрыт только до 2 октября для внутренних переделок. Ему стали возражать против матрикул, и он обещал хлопотать. Вообще его критикуют: 1) потому что он должен был быть в университете, узнавши в 9 часов, что будет сходка, 2) что пошел пешком и позволил процессии вторично пройти по Невскому, 3) что его объяснения имели вид извинений.

Во вторник студенты ходили по улицам и приглашали гуляющих на сходку на следующий день в 10 часов. Опять у университета были поставлены солдаты. Генерал-губернатор приехал и увидел офицеров между студентами. Он приказал их арестовать, но студенты расступились и их скрыли, а над Игнатьевым стали подшучивать. И эта сходка разошлась без результата, но на следующий день явилось

объявление, что всякие сборища студентов запрещены и университет закрыт впредь до приказа.

В отсутствие государя (он был в Крыму), для экстраординарных случаев назначена им комиссия: Михаил Николаевич, Путятин, Валуев и Шувалов. Великий князь призвал в понедельник еще Горчакова, Строганова и Муравьева. Решено напечатать новое Положение об университете и объявить, что те, которые не примут матрикул, не считаются студентами. Но для этого нужно быть уверенным в профессорах. Их созвали и спросили мнения: 14 одобрили все распоряжения, 15 заступились за студентов. Тогда им сказали, чтобы они письменно изложили свои замечания. Кавелин написал записку, и четыре профессора ее подписали. Между прочим, в ней сказано, что сходки должны быть дозволены, потому что молодые люди привыкают говорить в публике и, таким образом, готовятся к свободным учреждениям. Чтобы объяснить такие невероятные требования, некоторые говорят, что умственные способности Кавелина со времени потери сына не совсем в порядке. Подписали записку: Утин, Спасович, Стасюлевич. Печальнее всего, что из остальных профессоров осталось только трое на стороне университетского начальства. Между тем, опубликованные вчера новые правила решительно не подают повода к открытому неповиновению; в них даже есть хорошие распоряжения, как, например, уничтожение карцера и учреждение суда над студентами из профессоров. Совет, над которым председательствует Михаил Николаевич, призвал Ковалевского и просил указать, что есть дурного в университетских правилах. Ковалевский, как ни хотелось ему покритиковать, ограничился замечанием, что они писаны канцелярским слогом и что есть выражения слишком резкие, например, вместо исключаются следовало сказать увольняются.

Университет закрыт, а студенты продолжают волноваться. Они объявили, что завтра будет демонстрация в Казанском соборе, и сегодня весь город только об этом и говорит. Вся эта история была бы ребячеством, если бы власти умели действовать разумно и с энергией. Но чего ожидать от Игнатьева и К°?

Еще одно обстоятельство дает ей серьезный характер: волнения между студентами в связи с прокламациями, и студенты только ищут, к чему привязаться, чтобы выразить *les opinions de jour**. В процессии и на сходках видели офицеров и, когда генерал-губернатор хотел их арестовать, они скрылись, что до сих пор было делом неслыханным. Один офицер сказал моему знакомому: «Мы пускаем вперед студентов, как представителей молодого поколения и интеллигенции, но если они ничего не добьются, мы выступим вперед». Следо-

* Злободневные мнения.

вало бы узнать, насколько такие мнения распространены между военными. Я не могу об этом судить, но мне давно уже говорили, что гвардейские офицеры очень неблагонадежны.

Натурально, люди, которые заходят бог знает куда с своими требованиями, за очень немногими исключениями делают это не из убеждения, и в случае строгих мер едва ли будут приносить себя в жертву. Я даже думаю, что они болтают оттого, что не знают, что делать из относительной свободы, которою они пользуются. Это либералы, которые напрашиваются на железный гнет, люди, потерянные с тех пор, что их не держат на помочах.

Отовсюду слышны вздохи о власти, которая смиренно скрывается. Чапский пишет: «*Quand commercera-t-on à nous gouverner?*»^{*} Он уверяет, что волнения в Литве производятся очень немногими крикунами, которые пользуются полною безнаказанностью. Россия просто просит палки, и не только низшие классы, но и высшие слои общества. А искренним либералам, при виде этого коммунистического движения, остается поддерживать абсолютизм, который все же лучше анархии. Ты знаешь, что Михайлов во всем созрелся, и что захвачено 28 студентов, из которых трое выпущены.

Возвращение государя будет критическим временем. Петр Казимирович^{**} говорит: «*Des décisions qu'il prendra depend le sort de son régime!*»^{***} Пессимисты, – а их много, – говорят, что пяти лет не пройдет без отречения от престола, другие идут гораздо дальше. Хотя эти страхи очень преувеличены, однако несомненно, что дело очень серьезное, если власти будут все так же неловки.

Не можешь ли ты написать мне письмо, обдуманное и довольно пространное, которое я показал бы Горчакову».

Из этого письма видно, что в Петербурге волнения приняли еще гораздо более острый характер, нежели в Москве. Там находился самый центр политической пропаганды. В это самое время явилась безумная прокламация Михайлова^{****}, которая взывала к истреблению не только царской фамилии, но и всех помещиков и высших чиновников. В Петербурге печаталась подпольная газета, которая рассылалась в значительном числе экземпляров, и полиция никак не могла напасть на следы преступления. Брожение в обществе было непомерное, войска были заражены; в литературе высказывались самые крайние мнения. В «Современнике» главный руководитель всего этого движения, Чернышевский, явно проповедовал социалистические и материалистические теории. Он был в это время на вершине своей популярности и выступал перед публикою с самыми на-

* «Когда же нами начнут управлять?»

** Мейендорф, бывший посол в Берлине и Вене. – *Прим. Б. Н. Чичерина.*

*** «От решений, которые он примет, зависит судьба его царствования».

**** Известная прокламация М. Л. Михайлова «К молодому поколению».

глыми изъявлениями. Незадолго перед этим умер другой выдающийся корифей этой школы, Добролюбов, и друзья его выпросили у правительства разрешение читать о нем публичные лекции. Между прочим, Чернышевский рассказывал громадной, собравшейся на чтение публике первый визит к нему Добролюбова. «Когда он ушел, – говорил он, – я сказал своей жене, Ольге Сократовне: «Ты знаешь, душа моя, что я считаю себя самым умным человеком на свете; ну, представь себе, что я встретил человека, который еще умнее меня». И это отвратительное кривляние, показывающее ту степень самоуверенности, до которой дошли эти господа, и эта бессмысленная пропаганда, клонившаяся к разрушению всего существующего общественного строя, учинялись, в то время как правительство освобождало двадцать миллионов крестьян от двухвекового рабства. Сверху на Россию сыпались неоценимые блага, занималась заря новой жизни, а внизу копошились уже расплодившиеся во тьме прошедшего царствования гады, готовые загубить великое историческое дело, заразить в самом корне едва пробивающиеся из земли свежие силы.

В Москве был только отголосок петербургского движения, которое в университетской молодежи находило, разумеется, наиболее сочувствия. Масса публики недоумевала, а важнейшие литературные органы, к стыду их, молчали. Ни Катков, ни Аксаков, который в то время издавал «День», не давали ни малейшего отпора пропаганде «Современника» и компании. Катков все еще проповедовал свой отрицательный либерализм, а Аксаков ратовал против правительства и высших классов, оторванных от народной почвы. В университетском вопросе оба держали себя двусмысленно. Стоять за закон и порядок печатно никто не дерзал. Были и такие журналисты, которые подзадоривали студентов. Нелепая графиня Салиас, издававшая тогда «Русскую Речь» и воображавшая себя созданною для журнальной деятельности, кипятилась за них с всею необузданностью своего рьяного либерализма. Рассказывали даже, что она на студенческие сходки присылала каких-то эмиссаров, которые ходили между молодежью и говорили: «Господа, держитесь. Евгения Тур* вам сочувствует». Это была ее лебединая песнь: вскоре ее постигло падение, воспетое Алмазовым** и предсказанное в острой эпиграмме Константина Рачинского:

В замке Турнемирском
Злоба и сумбур;
В гневе богатырском
Восседает Тур.

* Псевдоним гр. Салиас, рожд. Сухово-Кобылиной. – Прим. Б. Н. Чичерина.

** «К портрету новейшей г-жи Сталь». (Собр. сочинений Б. Н. Алмазова, т. II, стр. 484).

Пала героиня,
Стасова, в борьбе;
Подожди, графиня,
Будет и тебе!

В ответе брату я описывал все происходившее в Москве, бессилье университетского начальства, способ действий генерал-губернатора, и затем писал: «Между тем, не надобно ошибаться насчет характера здешнего студенческого движения. Прежде всего, в нем высшие курсы вовсе не участвуют. Четвертый курс юристов формально объявил на сходке, что он демонстраций не одобряет. Это, как ты понимаешь, чрезвычайно смелый акт. Между молодыми людьми отстать от товарищей считается преступлением, и очень многие потому только участвуют в сходках, чтобы не отстать от других. Главные буяны – первокурсники. Я сам слышал от студента 3-го курса, что им отстать нельзя, а что 4-е курсы по существу своему консервативны. Из профессоров нет ни единого, который бы показывал студентам какое-либо одобрение. Все стараются удерживать их сколько могут, и все громко требуют призвания полицейской власти.

Ты еще более поймешь значение этого воздержания, когда я тебе скажу, что требования умеренной партии студентов в сущности совершенно справедливы. Адрес этой партии – тот, который был показан Тучкову, – содержит в себе две статьи. Студенты просят: 1) отмены 50-рублевой платы; 2) позволения объясняться с начальством через депутатов.

Что касается до первого, то ты должен знать, что в силу новых распоряжений студенты, представляющие свидетельство о бедности, не избавляются более от платы 50 рублей в год. Этим думали исключить из университетов слишком демократические элементы. Кто хоть немного знает университеты, понимает, что это совершенные пустяки. Однако правительство имело бы полное право сделать такое ограничение, если бы оно распространялось только на вновь вступающих. Мера осталась бы не только бесполезною, но и вредною и в высшей степени непопулярною; никто не мог бы назвать ее несправедливою. Но когда бедный студент вступил в университет в надежде на закон, который избавляет его от платы, и вдруг, после 2 - 3-летней работы принужден выйти, потому что ему нечем заплатить, то это идет против всех начал справедливости. Кто писал подобный закон, тот не имел ни малейшего понятия о том, что такое законодательство. Оттого у нас общее мнение все стоит за студентов. Нравственно они правы.

Второй пункт столь же справедлив. Когда студентам говорят, что их сходки и адреса незаконны, они отвечают, что они новыми распоряжениями лишены всякого законного средства объяснять начальству свои нужды, и потому поневоле должны прибегать к беззаконию.

И, несмотря на это, мы все единогласно против студентов, потому что мы убеждены, что первое и главное дело состоит в восстановлении власти. Отсутствие всякой власти – вот единственная причина всех происходящих в университетах беспорядков. Я бы мог доказать это многими примерами. Тут не нужно никаких стеснительных мер, никаких ограничений. Все это положительно вредно. Нужно только усилить полицию и действовать энергически, когда нарушаются правила. Вообще, в настоящее время в России потребны две вещи: либеральные меры и сильная власть. Но когда думают прекратить беспорядки мерами стеснительными, несправедливыми, раздражающими, и нет власти для их поддержания, то иного результата быть не может, как полная анархия. К этому мы и идем. Я просто прихожу в ужас от господствующего у нас ослепления. Ради бога, постарайся убедить князя Горчакова и других людей, имеющих значение в правительстве, что во всем этом движении, университетском, литературном, общественном, не только нет ничего опасного, но даже ничего нет сколько-нибудь серьезного. Все это копошится литературная дрянь и мелюзга, 20-летние офицерики, да студенты 1-го курса. В Петербурге можно еще найти несколько даровитых людей, которые увлекаются этим направлением; в Москве нет ни одного сколько-нибудь серьезного человека, который бы желал принять в нем малейшее участие. Недавно приезжал сюда Громека с проектом адреса о свободе слова; мы почти единогласно отвергли мысль о какой бы то ни было демонстрации. Москва, как и наши 4-ые курсы, по существу своему консервативна. Но, к несчастью, у нас решительно не имеют понятия о том, что происходит в обществе. Принимают меры неловкие и ненужные и боятся употреблять власть, когда она нужна. В министры народного просвещения сажают по чину, то горного чиновника, то моряка, и к совету призывают шефа жандармов и министра юстиции. На все смотрят преувеличивающими глазами и не подозревают собственной силы. Я все здесь твержу, что дело кончится тем, что нас всех пересекут, и правых, и виноватых, что найдется же, наконец, в правительстве хоть один храбрый человек, который возьмет палку в руки, и тогда все возвратится к старому порядку. Не то могут случиться страшные несчастья. Русский человек любит, чтобы его изредка посекали; не нужно только держать его в постоянных кандалах. Что будет, то будет».

На это письмо брат мне отвечал:

«Ты не можешь себе представить, какой эффект произвело твое письмо. От Горчакова оно ходило к Михаилу Николаевичу и другим властям, и переписано для государя, за исключением конца, где ты говоришь, что в министры назначают по чину, что кончат тем, что нас всех пересекут и т. д. Ты имеешь репутацию одного из самых передовых людей, и из твоих уст слышать, что необходима крепкая

власть, Горчакову очень драгоценно. Он формально поручил мне тебя благодарить за доставленные сведения и сказать тебе, что он с содержанием письма вполне согласен. «Либеральные меры и сильная власть это, – говорит Горчаков, – тема, которую я всегда проповедовал. Я рад, что с Вашим братом схожусь в этих мыслях, но, разумеется, не переговорив с ним, не могу знать, во всем ли так же схожусь».

Я ответил: «Чтобы дать некоторое понятие об общем направлении его мыслей, скажу, что он против конституции у нас». Он: «Но не следует ли ввести учреждения, не употребляя слова?» Я: «Только не надо допускать контроля совещательных собраний». Ему, очевидно, не хотелось ясно высказать своей мысли.

Потом он сказал: «Я хочу воспользоваться этим письмом, с некоторыми пропусками, в очень высоком месте, но я желал бы предварительно иметь на то ваше согласие». Я: «Я не вижу никаких к тому препятствий, поскольку дело идет об общем смысле, но вы могли заметить, что оно написано в интимном стиле, как пишет брат к брату». Он: «Я опустил конец, но то, что касается Тучкова, слишком важно; я не назову вашего брата; однако, если будут настаивать, я уступлю; по существу, в письме нет ничего такого, под чем бы я охотно не подписался». Я: «Я позволю себе подчеркнуть то, что мне кажется наиболее важным; ради бога, настаивайте на том, что власть должна выказать себя крепкой и не ронять себя. Но вместе с тем, не надо показывать вида страха, ни прибегать к бестолковой строгости диктуемой страхом».

Он: «Да, это необходимо. Вы можете сообщить вашему брату, что одна из мер строгости, которую я хочу предложить, заключается в отсылке к родителям всех, кто откажется принять матрикулы, чтоб очистить столицу от их присутствия. Я надеюсь, что ваш брат одобрит эту меру»*. В заключение он изъявил надежду, что ты будешь продолжать сообщать свою оценку всего, что происходит.

Перейду к разбору твоего письма. Я писал тебе вчера по почте, что из двух пунктов адреса умеренной партии, первый, касательно платы вступивших студентов, разрешен. Прибавляю, между нами, что начало обратного действия Положения было принято теперь только в правительственном Совете. Я тебе писал и повторяю просьбу изложить в умеренных выражениях, почему у нас такая мера бесполезна и вредна. На каких основаниях можно желать и требовать дарового высшего образования? (Тут советую быть осторожным). Что касается сходов, то также повторяю: 1) студентам остается право доносить о своих нуждах индивидуально; 2) правительство явно стремится уничтожить для студентов всякие корпоративные

* В подлиннике вышеприведенный диалог дается по-французски.

права и самую мысль о корпорации; 3) в эти последние годы сходками так злоупотребляли, что студенты сами виноваты, хотя бы даже это право было рационально. В прошлом году студенты вздумали сами в аудитории судить одного товарища за простую кражу, посадили его в карцер и т. п. Кроме того, произносили речи об общем ходе правительства и т. д. Итак ты можешь опять же с осторожностью развить свою мысль о корпорации.

НВ. Барон Петр Казимирович Мейендорф говорит, что студенты везде имеют корпоративные права, например, форму. Он того мнения, что корпорации по факультетам лучше, нежели по национальностям, и что выбранные из студентов депутаты составляют залог спокойствия, потому что через них можно действовать на других. Передаю тебе различные мнения, чтобы ты мог ими руководствоваться. Но Петр Казимирович против демократизации университетов, в особенности против служебных привилегий».

Я просил тебя о разборе новых правил. Поговори с товарищами, не говоря зачем, и передай общее суждение о них, в частности о прокореторе, о педелях. Насчет педелей вот еще разговор.

Кто-то сказал Горчакову: «Добейтесь их отмены – это непопулярная мера, и от нее надо отказаться». «Нет, сейчас не надо ничего переменять; если это распоряжение непопулярно, то оно и без отмены не будет осуществлено целиком». «Но, в таком случае, допускается прежняя ошибка; зачем сохранять вещь, которая не будет исполнена?»*

Ответа не было. Я не присутствовал, но, кажется, разговор передан довольно верно.

Что ни говори об Горчакове, однако, он единственный человек из окружающих государя, который имеет либеральные поползновения. На практике он не выдерживает и говорит иногда: «*Le pouvoir ne peut pas se passer sans un peu d'arbitraire*»**. Кроме того, занятый политикой, он не ясно сознает, в чем могут заключаться либеральные действия. Но все же либерализм ему доступнее, нежели другим, и нужно только представить ему программу, которая дала бы более определенный ход его красноречию... Итак напиши мне, что ты ценишь одобрительные слова, которые мне поручено было передать тебе».

В письме, посланном по почте, брат говорит, что особенно подействовало выражение: «либеральные меры и сильная власть», и просил подробнее развить эту тему. В ответ на его вызов, я написал ему длинное письмо, которое привожу здесь целиком.

* В подлиннике – по-французски.

** «Власть не может обойтись без небольшой доли произвола».

Москва, 11 октября 1861.

Ты желаешь, чтобы я подробнее развил тебе свое выражение: «либеральные меры и сильная власть». Оно не случайно попало мне под перо. По моему мнению, оно должно быть лозунгом правительственно-либерального или, если хочешь, консервативно-либерального мнения в России. Это мнение едва зарождается. При невозможности печатно обсуждать наши внутренние вопросы, при том разгаре страстей, который возбужден освобождением крестьян, образование его встречает почти непреодолимые трудности. Тем не менее, либеральное мнение в России положительно раздваивается, хотя люди, которые ничего в этом не понимают, всех нас крестят названием красных. Различное обсуждение моего письма к Герцену* до очевидности показало это раздвоение. Особенно в Москве есть зерно людей, которые так уже и прозваны государственниками.

В настоящее время первая наша потребность – предоставление обществу значительной доли самодеятельности. Без этого жить нельзя. Без этого мы вечно останемся в том положении, которое привело нас к бедствиям Крымской войны. Этого даже и уничтожить невозможно. Общество почувствовало свою самостоятельность и никогда уже не возвратится к тому полному подчинению, какое бывало в прежние времена русской истории. Это надобно сказать себе раз навсегда. Но это явление не печальное. Если правительство поймет свое положение и сумеет им воспользоваться, то Россия выиграет двойные силы от возбуждения энергии общественной. Правительство само всего делать не может. А покорные орудия сами ничего делать не в состоянии.

Отсюда необходимость либеральных мер по всем отраслям общественной жизни. Надобно, чтобы везде человеку была предоставлена свободная сфера деятельности. В особенности же надобно избегать тех мелочных стеснений, которые раздражают людей и унижают начальство, ставя его в мелочные столкновения с гражданами. Правительство теряет через это свое высокое значение и становится ответственным за всякую глупость самого последнего исполнителя, как это до очевидности показывает нынешнее состояние нашей цензуры. Пусть появляется множество бестолковых статей, пусть студенты не ходят на лекции и толкуют между собой обо всяком вздоре. Государственный человек обращает внимание не на эти пустяки, а на общее направление умов. Тут нужен широкий взгляд на вещи, а не взгляд 3-го отделения.

Но чтобы все это сделать совершенно безвредным, надобно, чтобы над всем этим господствовала сильная власть, которая всегда была готова сдерживать непокорных. Закон должен быть широк, но

* Письмо Б. Н. Чичерина напечатано в «Колоколе» 1 декабря 1858 г.

исполнение его должно быть строгое и непременное. Уверенность в непремennom наказании – лучшее ограничение свободы. Но, как скоро можно явно и безнаказанно нарушать закон, так водворяется анархия. В настоящее время сильная власть нужнее, нежели когда-либо. Она одна может сдерживать расшатавшуюся Россию. Только не надо смешивать сильной власти, сохраняющей возвышенное свое положение, с мелочным вмешательством во всякие дразги. В особенности приложение власти должно соединяться с глубоким знанием русского общества. Иначе она всегда будет бить невпопад. Теперь, для управления всеми внутренними делами, как насущный хлеб, потребны нам государственные люди, которые бы соединяли в себе чувство власти с знанием общества и с ясным пониманием настоящего положения дел. Но где их найти?

То, что я говорю о соединении либеральных мер с сильною властью, ты можешь видеть на освобождении крестьян. Вот мера вполне либеральная, которая соответствует самым существенным потребностям России, которая дает правительству право на вечную признательность со стороны всякого кто искренно любит отечество. Отчего же она сначала возбудила такие, смуты? Оттого, что она была объявлена, когда управление не было еще устроено. Вблизи не было власти, которая бы могла ее поддерживать. Неповиновению позволили сначала распространиться. Поэтому впоследствии нужны были гораздо сильнейшие меры. Вообще строгие меры избавляют от строжайших. Когда явилась власть, водворилось спокойствие, и явилась вместе с тем возможность законного и гражданского развития этого вопроса. Там, где «Положение» строго исполняется, где мировые посредники не льготят ни крестьянам, которые отказываются от отбывания повинностей, ни помещикам, которые хотят захватить больше, нежели им предоставлено законом, там все идет хорошо. Ты сам мог это видеть у нас. Дурно идет дело только в тех местах, где есть послабление той или другой стороне.

Посмотри же теперь, что сделано в университетах. Все происшедшее в университетах беспорядки суть только отражение того, что происходит в России. Вся Русская земля немного сбилась с толку. Взшло для нас весеннее солнце и произошла оттепель. Зеленъ еще впереди, если солнце будет продолжать греть, а пока только непроходимая грязь. Естественно, что это общественное состояние прежде всего отражается на молодых людях, которые увлекаются более других, и которых всегда следует сдерживать разумным употреблением власти. К несчастью, именно этого-то и не было сделано. Ты знаешь, что вся полицейская власть в университете находится в руках попечителя. Во многих отношениях это очень хорошо, но надобно уметь с нею обращаться. Мы на своих попечителей жаловаться не можем. Как предыдущий, так и настоящий, люди весьма благо-

намеренные, готовые на все хорошее. Но невозможно требовать от человека, который всегда служил на другом поприще, который не имеет никакого понятия о народном просвещении, чтобы он вдруг приобрел нужные для этого места знание и такт. Всякий благонамеренный человек сначала естественно остерегается и делает скорее менее, нежели более, чем нужно. Результатом этого было то, что в университете исчезла всякая полицейская власть. Студенты могли делать все, что им угодно, и, разумеется, нередко употребляли свою свободу во зло. Чтобы помочь этому, стоило только разбудить немного дремлющую власть, запретить сходки, прокламации, литографии и т. д., и дать университетскому начальству средства приводить в исполнение свои предписания, т. е. усилить полицию и восстановить карцер, который один может заменить строгую меру исключения из университета. Больше ничего не было нужно.

«Вместо того приняли ряд мелочно-стеснительных мер. Студентам выдаются матрикулы и билеты, которые они всегда должны иметь при себе; университетская передняя загромождена баррикадами, которые сторожатся солдатами; запрещены всякого рода объяснения с начальством и т. д. Когда же дело дошло до выполнения этих мер, то оказалось, что власти никакой нет, и когда университетское начальство обратилось к генерал-губернатору, то генерал-губернатор принял под свое покровительство явное сопротивление закону. Вот что я называю радикально-ложною политикой от начала до конца. Тут не либеральные меры с сильною властью, а стеснительные меры и слабая власть. Вот что ведет к анархии. Кто же тут виноват, студенты или начальство? Когда молодых людей с одной стороны раздражают, а с другой – позволяют им явно нарушать закон, то иных последствий быть не может как то, что мы видим в настоящее время.

Мысль уничтожить корпорацию студентов совершенно фантастическая. Студенты корпорации не составляют, а всегда составляли и всегда будут составлять товарищество, вопреки всем постановлениям, ибо это естественно вытекает из их положения. В этом ничего нет дурного. Напротив, товарищество – лучшая сторона университетской жизни, и даже для человека зрелого это лучшее воспоминание молодости. Ты сам это знаешь. Дурно только то, что это товарищество употребляется иногда на недозволенные цели. Но для того, чтобы этого не было, нужно только, чтобы молодые люди знали, что над ними есть власть, которая непременно накажет всякое нарушение порядка. Свобода действий и карающая власть – с этим можно смело надеяться на успех.

Но из всех принятых мер – самая в настоящее время неловкая, по единогласному мнению всех, весьма умеренных профессоров нашего университета, это – обязательная плата студентов. Мы на днях

намерены даже просить министра народного просвещения ходатайствовать об отмене этой меры, как уже оказавшей свои вредные последствия, и вот наши доводы: 1) Ты говоришь, что в Англии и Германии высшее образование не даровое. В Англии, точно, оно стоит очень дорого. Но зато Англия самая богатая страна в мире. Притом там общие средства образования, помимо университетов, несравненно доступнее, нежели у нас. В Германии же всякий студент, представляющий свидетельство о бедности, избавляется профессором от гонорара и от пошлин за матрикуляцию. Во Франции академическое обучение большею частью даровое: платят за степени. Мы же страна самая бедная, средства образования самые скудные; помимо университетов и других высших учебных заведений, их даже вовсе нельзя иметь. Следовательно, другие страны не могут нам служить примером.

2) Опытom дознано, что работают именно беднейшие люди. Они должны пробывать себе дорогу трудом. Из них выходят учителя, без которых нам обойтись невозможно. Из них же выходят хоть несколько образованные чиновники, которые для государства необходимы. Детям бедных чиновников просто деваться некуда, если закрыть им доступ в университеты.

3) И главное, эта мера, при настоящих обстоятельствах, в высшей степени не политична. В том безграничном умственном хаосе, в который погружена теперь Россия, у нас есть одна живая струя, которая вынесет нас на берег. Это – жажда просвещения. Всякий русский человек, и бедный и богатый, и образованный и дикий, чувствует, что наша первая и насущная потребность состоит в образовании. Оттого всякая мера, сколько-нибудь ограничивающая образование, возбудит всеобщее негодование и даст всякому протесту против нее опору в сочувствии общества. В этом сочувствии студенты находят себе главную поддержку. Не только в тверском дворянстве, но везде в клубах, в присутственных местах идут подписки на бедных студентов. Чиновник Казенной палаты или Опекунского совета жертвует на это часть своего скудного жалования. В этом явлении есть глубокий и отрадный смысл. Неужели же правительство пойдет против этих благороднейших и священнейших стремлений русского общества. Ты пишешь мне, чтобы я вообще об этой мере распространялся с крайнею осторожностью, я же, напротив, считаю долгом совести при всяком удобном случае говорить об этом с величайшею настойчивостью, потому что эта мера подкапывает значение правительства и составляет лучшую опору для той безрассудной оппозиции, которая слышится у нас со всех сторон. При этой мере разумным образом поддерживать правительство становится невозможным. Я прежде всего желаю сильной власти, но сильная власть не может существовать без нравственного влияния на обще-

ство, а это влияние неизбежно исчезает, когда правительство теряет в глазах общества свое высшее значение – значение образователя народа, когда оно полицией жертвует просвещением.

Вот тебе очень длинное письмо. Надеюсь, что я изложил все, что тебе нужно знать. Если в тебе родятся еще какие-либо недоумения, напиши.

P. S. Внуши, пожалуйста, что заставлять студентов посылать прошения по городской почте и получать стипендии в частных домах – признак трусости, а это хуже всего.

На это брат отвечал:

«Когда я рекомендовал тебе величайшую осторожность, я не подозревал мягкости и, можно сказать, прямодушия Горчакова. По прочтении твоих замечаний на счет дарового университетского образования, он сказал: «Это я поддерживал в Совете ограничительные меры в отношении университетов. Я это сделал под впечатлением того, что видел в Германии, где мест не хватает для всех молодых людей, оканчивающих свое учение; они остаются на улице и становятся опасным элементом. В России условия иные, и я признаю что, может быть, был неправ»*. Но, сознавшись, что мера могла быть неудачна, он думает, что теперь невозможно ее отменить. Заметь, что в Совете Горчаков составляет едва ли не крайнюю левую, и что если он считает отмену невозможной, то чего же ожидать от других? Впрочем, он не останавливается на отказе и вслед за тем начал развивать мысль о преобразованиях, которыми можно бы помочь делу. Он просил об этом не говорить, потому что его мысли еще недостаточно разъяснились. Во всяком случае несомненно, что человек самый благонамеренный и ум самый всесторонний не могут отыскать настоящего исхода в деле, которого не изучали. Оттого я повторяю, если тебе приехать нельзя, то следует обсудить с Дмитриевым и другими, как правительству действовать, не исповедуя открыто, что оно ошиблось. Сделать новое Положение, на новом основании, ему легче, нежели из нынешнего Положения вычеркнуть несколько статей.

Твое письмо я должен был почти целиком переписать для государя. 1) Личная форма в нем устранена, т. е. ты знаешь, ты желаешь и т. д. 2) Выпущен твой намек на письмо к Герцену, потому что иначе следовало бы объяснить, что такое это письмо, может быть, представить его и т. д. 3) Намек на цензуру вычеркнут. Это вопрос постоянный, который требует развития. «Обращать внимание на общее направление умов», допуская, чтобы появлялось «множество бестолковых статей», это – такие мысли, которые здесь неясно понимают и которыми пугаются. Несмотря на безотчетную цензуру (а может

* Слова Горчакова в подлиннике приводятся по-французски.

быть и вследствие ее безотчетности), направление литературы самое крайнее и даже вредное на общество. Не легко убедить правителей, что дать ей большую свободу не даст нам последнего толчка в пропасть. Изменить нашу цензуру едва ли возможно; можно ее преобразовать на совершенно иных основаниях. Каким же образом действовать на общее направление умов, этого никто не подозревает, разве только барон Александр Казимирович. Не читавши даже твоего письма, но слышав от моего тестя, что ты защищаешь даровое образование, он привез мне листок, который просит тебе передать. Прилагаю его. Напиши мне (для меня), что ты об нем думаешь и прибавь несколько слов, которые я мог бы ему прочесть.

Теперь здесь толкуют, кем бы заменить Путятина. Иные говорят о Титове, другие о Пирогове; вероятно ни тот, ни другой не будут назначены.

Государь полон доброй воли, но надобно известным образом представлять ему вещи, чтобы его убедить. А именно: не должно касаться самодержавия. Либеральные меры и сильная власть – кажется, должно поправить. Едва ли можно убедить в необходимости изменить университетское Положение, но легче представить новую реформу и с точки зрения порядка, просвещения, общественного мнения. Должно напирать на «распатавшуюся Россию» и побольше развить, что опасно «стягивать вожжи», о чем многие толкуют. Должно резко высказать, что все благонамеренные люди за правительство, но что не следует их отчуждать, потому что общее отчуждение от правительства наша главная опасность, а она произошла оттого, что слишком вожжи были стянуты.

Уверяют, что Шувалов во всем происходившем видел только генерал-адъютантские эполеты. Но кроме него, есть и многие другие, которые преувеличенно смотрят на все. Сам Горчаков говорит: «Молодежь нам сделала величайшее моральное зло; я люблю молодежь, но в этом случае я не могу ее извинить»*. Потому я считаю твою точку зрения отличной, и дай бог, чтобы ее оценили: что студенты дети, а что главная вина на начальстве, которое не должно быть мелочно строго, но твердо.

Не забудь написать, что ты ценишь одобрение Горчакова. Эта слабая струнка в нем есть, но в последнее время, видя его часто, я его ценю больше: мягкий, благонамеренный, допускающий всякие убеждения, готовый быть либеральным, лишь бы не зайти слишком далеко. Одна из его слабостей – присваивать себе совершенно всякую мысль, которая ему понравится; например, выражение: «либеральные меры и сильная власть» – не твое, потому что Горчаков давно уже написал его на своем знамени. На днях, за обедом он

* В подлиннике по-французски.

характеризовал всех присутствующих; меня назвал *rougeatre**, а себя *liberal modere***. Надобно отдать ему справедливость, что он от этого наименования никогда не отказывался, даже когда отстаивал плату студентов и в крестьянском деле был за добровольные соглашения. Но даже в случаях более серьезных он по-своему оставался с собою консеквентным. Так, на счет Польши, он тотчас сказал: «Надо бороться всячески с уличными беспорядками, но держаться на почве законности и от нее не отступать»***, – и я думаю, он много содействовал тому, что мы не отступали от дарованных полякам прав. В крестьянском вопросе он искренне радуется удаче мировых посредников. На чины он смотрит совсем не как действительный тайный советник, а домогается их уничтожения. Но во внутренних делах этот либерализм далеко не систематичен, и особенно в вопросе о цензуре его мысли отнюдь не установились. Тут следовало бы внушить ему программу, которую он с обычною ловкостью мог бы защищать перед царем и перед товарищами по Совету.

Завтра вечером хочу поехать к Петру Казимировичу и, если можно, прочесть ему твое письмо. П. Б.**** едет в Москву в пятницу, и я с ним напишу, если будет что. Но я желал бы, чтобы ты сам приехал. Сегодня Горчаков спрашивал, написал ли я тебе об этом и повторял, что хотел бы с тобой поговорить».

Ехать в Петербург я в это время не мог, ибо должен был начать свой курс, да в сущности и не было в том нужды. Я отвечал следующим письмом:

«Любезный друг, прошу тебя передать князю Горчакову, что я весьма ценю его одобрение моих мыслей. Он единственный наш государственный человек, который не заражен баронскими предрассудками и способен понять толковое мнение, не пугаясь ложных призраков демократии и красной республики. Это редкость, потому что высшие круги составляют у нас совершенно особенный мир, который к России не имеет решительно никакого отношения и не ведает, что в ней творится.

Примерами могут служить хоть бы записочка твоего дядюшки А. К. Мейендорфа, и мнение другого твоего дядюшки, П. К. Мейендорфа, об университетском образовании. Все это очень умно, все выписано из глубоких писателей, из Гизо, из Токвиля, все вынесено из Германии, из С.-А. Штатов, но к России решительно неприложимо. Говорить в России об излишнем разлитии образования в массах или о демократизации наших университетов, это русскому человеку, зна-

* Красноватый.

** Умеренный либерал.

*** В подлиннике по французски.

**** Так в рукописи.

ющему состояние нашего просвещения, покажется довольно странным. В России эти массы – ничтожная капля в море. У нас необходимо, чтобы в университет стекалось как можно больше людей, для того чтобы образовался хоть кто-нибудь, чтобы из этого числа выработались какие-нибудь серьезные силы, а серьезные силы нам нужны на всех поприщах. Если дожидаться хорошо подготовленных молодых людей, то наши университеты останутся совершенно пусты. У нас университеты заменяют все – и гимназии, в которых почти не учатся и не могут учиться, потому что нет порядочных учителей, и специальные школы, и литературу и, наконец, самое общественное образование, которого у нас нет. У нас университеты вовсе не такие высшие учебные заведения, как в других странах. Наши университеты – это умственная атмосфера, в которой человек получает хоть какое-нибудь развитие. Через университеты русское общество выходит из сферы «Мертвых душ». Совершенно несправедливо, что демократическими и социальными идеями заражаются преимущественно люди, которые не в состоянии заплатить 50 рублей в год. Напротив, эти люди вступают в университет, чтобы проложить себе дорогу и должны работать и жить своим трудом, тогда как студенты с большим достатком могут предаваться безделью и на досуге наслаждаться разными дикими мечтами. В университетах проявляются дикие мысли, не потому что в них есть, *soi disant*, демократические элементы, а потому что в них отражается дикость всего нашего общества, как высшего, так и низшего, и я, право, не знаю, которое в этом отношении заслуживает пальму первенства. У нас из самых аристократических фамилий выходят такие студенты, что уму непостижимо.

Для того, чтобы университетам дать разумное направление, необходимо прежде всего, чтобы управляли ими люди знающие как университеты, так и состояние общества. Между тем в продолжении последних 13 лет у нас не было ни одного министра и ни одного попечителя (в Москве), который бы в этом что-нибудь понимал. Каково бы было состояние нашей армии, если бы в течение десяти лет военными министрами и генералами назначали дипломатов или чиновников почтового ведомства. Между тем, вопросы об армии – вопросы технические, а вопросы о народном просвещении в настоящее время вопросы политические. Это надобно себе сказать и крепко сказать.

Все наше несчастье в настоящее время состоит в том, что правительство и общество составляют как бы два лагеря, которые не имеют между собой решительно ничего общего. Правительство живет в заколдованном кругу тайных и действительных тайных советников, а общество всякого тайного и действительного тайного советника считает почти что личным своим врагом, потому что долгий

опыт убедил его, что, за весьма немногими исключениями, тайные и действительные тайные советники больше заботятся о собственной своей пользе, нежели о пользе общественной. Отсюда отрицательное направление литературы, которая людей, принадлежащих к заколдованному кругу, приводит в негодование и изумление. Литература другого направления иметь не может, пока правительство совершенно уединяется от общества. Надобно, чтобы правительство опиралось на какие-нибудь разумные общественные элементы, чтобы оно в среде своей имело людей, которые бы в состоянии были иметь какое-нибудь влияние на общество. Пока этого нет, будет продолжаться настоящая анархия.

Людям весьма немногочисленным, которые с глубоким прискорбием видят это состояние России и, стоя между обоими лагерями, не в силах их сблизить, остается только по возможности распространять в обществе более здравые понятия о вещах, нежели те, которые теперь в ходу, и стараться приготовить как можно более людей, которые были бы в состоянии действовать, как скоро правительство благоугодно будет выйти из заколдованного круга тайных и действительных тайных советников. Давать же какие-нибудь советы и стараться проводить какие-нибудь меры совершенно бесполезно. Совет можно дать только один: призывать по каждой части людей, которые эту часть знают. Иначе наилучшие меры ни к чему не послужат.

Из всего этого ты поймешь, что я решительно не намерен обсуждать никаких мер, относящихся до народного просвещения. Не намерен, потому что я не вижу в правительстве серьезного желанья решить эти вопросы разумным образом и прямо смотреть на вещи. Сегодня, например, князь Горчаков с величайшею ловкостью успеет убедить государя в пользе какой-нибудь благоразумной меры, но кто поручится, что завтра князь В. А. Долгорукий или граф В. Н. Панин с такою же ловкостью не нагородят какого-нибудь вздора и не ввернут в постановление такую заковычку, которая даст ему совершенно превратное действие? Если правительство серьезно желает принять, наконец, какую-нибудь разумную систему относительно народного просвещения, то путь один: представить новые меры на обсуждение университетских советов и затем созвать в Петербурге комиссию из сведующих людей, которые бы могли выработать из этого что-нибудь толковое. Если князь Горчаков желает добра нашему образованию, то пусть он на этом настаивает.

Я очень рад, если ни Титов, ни Пирогов не будут назначены в министры народного просвещения. Оба – хорошие люди, но оба на это место не годятся. Титов тряпка, а Пирогов фантазер. Человек, который заводит журнальную полемику о своих собственных мерах, не имеет понятия о власти, а власть теперь нужна. По-моему Путятину надобно непременно остаться, пока все совершенно успокоится.